

Abdullaeva F., Melville Ch. The Persian Book of Kings: Ibrahim Sultan's *Shah-nama*. — Bodleian Library. University of Oxford, 2008. — 142 p.

В заключении своей поэмы «Шах-наме» великий персидский поэт Абу-л-Касим Фирдауси (329–410/940–1020) писал:

چو این نامور نامه آمد بین   ز من روی کشور شود پر سخن
از آن پس نمیرم که من زنده ام   که تخم سخن من پراگنده ام
هر آن کس که دارد هوش و رای و دین   پس از مرگ بر من کند آفرین

Коль скоро сия книга о знаменитых
достигла своего конца.

Благодаря мне лик страны наполнится
словами!

Посему не умру. Я буду жить,
Ибо семена слов разбросал я!

Всяк, обладающий разумом, мнением
и религией,

После смерти [моей] воздаст мне хвалу!

И действительно, кажется, столько уже сказано и написано о Фирдауси и его поэме, что не стоит более и пытаться. Но нет. Слова поэта оказались пророческими: это понимаешь, когда слышишь цитаты из его грандиозной поэмы в устах представителей самых разных слоев иранского общества. И не только иранского. В нашей стране имя Фирдауси и его поэмы довольно хорошо известны. Ни одна хрестоматия по истории литератур Востока не обходится без Фирдауси. Следует также вспомнить критическое издание «Книги Царей», предпринятое коллективом ученых из Москвы и Ленинграда в 1960–71 гг. В настоящее время «Шах-наме» появилось уже на компакт-диске (изд-во ИД «Равновесие», время звучания 21 час 12 мин.). Огромная исследовательская работа ведется и за рубежом. Книга давних исследователей «Шах-наме» Ф. Абдуллаевой и Ч. Мелвила, выпущенная в серии «Сокровища Бодлеанской библиотеки»

(«Treasures from the Bodleian Library»), посвящена списку поэмы, изготовленному для тимурида Ибрахим-султана (в настоящее время список хранится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета под шифром MS Ouseley Add. 176).

В начале книги, в качестве хусн-е матла⁴, мы находим краткое, но емкое Введение (с. 9–11). Далее, по закону жанра, следует небольшая глава о жизни Фирдауси и окружавших ее и историю создания «Шах-наме» легендах (с. 13–18). Затем авторы кратко рассказывают об основных сюжетных линиях поэмы (с. 19–24). Здесь особенно выделяется небольшая глава, посвященная роли женщин в «Шах-наме», из которой мы узнаем, что они имеют равные права с мужчинами только в том случае, если равны с ними по происхождению — в этом случае женщины могли свободно высказывать свои желания, также как это делают мужчины (с. 22–24).

После краткого изложения биографии Ибрахим-султана авторы переходят к самому списку MS Ouseley Add. 176. Достаточно много места отведено рассуждениям о датировке (к слову сказать, по всей книге даты приводятся без указания соответствующего года по лунной хиджре), но в результате вопрос остается открытым. В то же время, авторы склоняются к мнению о более раннем происхождении списка Ибрахи́ма в сравнении со знаменитым списком Байсункура (833/1430 г.) (с. 28–30), а также утверждают его заметное отличие как от последнего, так и от версии Хамдаллаха Мустауфи (735/1334 г.): «...several verses are missing compared with the other two copies. The rubrics are not standardized and the choice of rubric does not match those in Mustaufi's version (which has very few headings) or Baysunghur's. Ibrahim Sultan's version clearly does not depend on his younger brother's» (с. 57). Авторы счита-

ют, что для окончательного решения вопроса об источнике списка «Шах-наме» Ибрахим-султана необходимы более глубокие текстологические и кодикологические исследования, поскольку научное изучение иллюстрированных списков поэмы по большей части концентрировалось вокруг миниатюр (с. 57).

Далее следует раздел об иллюстрированных списках «Шах-наме» XIV–XV вв. Здесь особо выделяются главы об искусстве производства книги в XV в. (с. 38) и о «Шах-наме» в поэтических сборниках (с. 41).

Раздел «Рукопись „Шах-наме“ Ибрахим-султана» (с. 44–59) начинается с описания рукописи, которое представляется несколько разбросанным, поскольку ранее уже были представлены дискуссия о датировке, а также главы более общего плана, не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемому списку. Кроме того, в начале описания на с. 44 сказано, что в рукописи 468 листов. В следующем абзаце на той же странице отмечается, что собственно текст «Шах-наме» занимает 451 лист. И только на с. 53 становится ясно, что в начале второй части списка вставлена поэма, посвященная Ибрахим-султану. Сколько листов она занимает в рассматриваемом списке и каковы ее четкие границы не указывается. Непосредственно о самой поэме упоминается лишь на с. 110 в аннотации к рисунку 73 («Прием у Ибрахим-султана»), где сказано, что поэма располагается на лл. 2376–239а и посвящена она восхвалению Аллаха, пророка Мухаммада, Фирдауси и его «Шах-наме», а также восхвалению Ибрахим-султана. Заканчивается поэма описанием пира, устроенного Ибрахимом. Авторы отмечают, что поэме предшествует миниатюра с изображением приема у Ибрахима, которая находится на месте, где обычно помещалась миниатюра, изображающая воцарение Лухраспа, назначенного Кей-Хосровом своим преемником. По предположению авторов, эта поэма была сочинена по случаю восстановления Ибрахима в качестве правителя Шираза в 817/1415 г. В этом случае, не совсем ясно, причем тут «Шах-наме»: включение в текст поэмы восхвалений в адрес Фирдауси и его поэмы, скорее, говорит о том, что поэма в честь Ибрахима была написана специально для этого списка «Шах-наме». Тогда получается, что сам список следует отнести к дате,

близкой к 817/1415 г. На мой взгляд, этой поэме следовало бы уделить несколько больше внимания (тем более, что она является заметной особенностью данного списка), а также поместить всю информацию о ней в раздел описания рукописи.

Кроме того, не вполне ясным остается вопрос о количестве бейтов в данном списке. Сами авторы, предварительно математически высчитав максимально возможное количество бейтов (55 924) и сделав скидку на оформление, дают лишь приблизительное число — около 50 000. Таким образом, сэръ Гор Аузли (Sir Gore Ouseley), в коллекции которого находился данный список, так и остался единственным человеком, отважившимся подсчитать точное количество бейтов — 49 991 (с. 44).

После описания рукописи следует раздел, в котором приводятся 42 миниатюры, изготовленные для данного списка, а также снабженные краткими аннотациями иллюстрации из Предисловия и развернутый фронтиспис из начала второй части поэмы (с. 60–121). В небольшом разделе, посвященном значению и некоторым особенностям миниатюр списка Ибрахим-султана (с. 122–125), на основании краткого анализа миниатюр списка авторы делают следующий вывод: теория о том, что список Ибрахим-султана был копией списка Байсункура несостоятельна, поскольку миниатюры «Шах-наме» Ибрахим-султана отличаются от миниатюр «Шах-наме» Байсункура по количеству, по тематике и по стилю — список коррелирует со многими списками ширазской работы 20-х гг. XV в. (с. 124–125).

Издание сопровождается кратким Глоссарием (с. 126–127), Библиографическим списком (с. 128–134) и Примечаниями (с. 135–142). Существенным недостатком книги является полное отсутствие каких-либо указателей, а несомненным достоинством — наличие большого числа иллюстраций высокого качества.

Несмотря на высказанные замечания, эту работу можно охарактеризовать как основательное введение в проблему изучения списка «Шах-наме» MS Ouseley Add. 176. Кроме того, книга содержит краткие сведения о Фирдауси и обстоятельствах написания поэмы, а также в лаконичной форме дает представление о ряде других списков великой поэмы, об эпохе их составления, а также о некоторых

особенностях ширазской школы миниатюристики XV в.

Б.В. Норик

Japan and Russia: Three Centuries of Mutual Images / Ed. by Yu. Mikhailova and M.W. Steele. — Folkestone, UK. 2008.

В настоящее время все большее число исследователей приходит к выводу о том, что при комплексном изучении взаимоотношений между государствами и народами, помимо факторов дипломатического, экономического, политического и культурного характера, следует постоянно принимать в расчет присутствие в общественной мысли и общественном сознании людей устойчивых образов и стереотипов, влияющих на восприятие одним народом (или его отдельными представителями) других стран и народов. Эти образы и стереотипы, которые формировались, развивались и видоизменялись на протяжении длительного времени, являются неотъемлемой составляющей частью процесса социокультурного взаимодействия между странами и народами.

Данный фактор все больше учитывается в современной политике многих государств, их внешнеполитической деятельности и пропаганде. Неоднократно отмечалось, что одним из существеннейших моментов международных отношений оказывается вопрос о том, какое впечатление производит государство на международной арене и как его представители воспринимаются в других странах.

Поэтому в современных условиях чрезвычайно важным представляется стремление исследователей досконально изучить и проследить историческую эволюцию представлений о различных народах, выявить динамику их развития и механизм формирования, а также причины их возникновения и устойчивости в рамках национальной духовной традиции. В подобном контексте весьма актуальными оказываются конкретные исторические исследования, привлекающие данные, полученные другими науками, например этнографией, социальной психологией, литературоведением.

При комплексном подходе к изучаемой теме, те данные, которые накапливаются в

ходе исследований исторической и востоковедной наук, должны быть дополнены результатами, полученными на основании применения методологии тех научных дисциплин, которые также занимаются изучением «образов» и «стереотипов» в русле принятых ими парадигм. На стыке различных гуманитарных наук во второй половине XX в. возникло и успешно развивается междисциплинарное направление, именуемое имагологией.

Коллективная монография «Япония и Россия: три века взаимных образов», на наш взгляд, вносит значительный вклад в изучение формирования взаимных образов народов России и Японии на различных этапах их социокультурного взаимодействия и отвечает насущным потребностям сегодняшнего дня, когда остро ощущается необходимость поисков путей сближения между двумя странами. Данную книгу в полной мере можно отнести к исследованиям имагологического характера, основанным на конкретном фактическом материале.

Первая глава книги, написанная проф. русской истории Осакаского ун-та Икута Митико, посвящена развитию взаимных представлений в России и Японии в период Эдо (1603–1867). Автор скрупулезно отобрал и систематизировал имеющиеся по этой теме исторические данные, вполне логично и закономерно сделав акцент на изучении места и роли Дайкокуя Кодая — человека, находившегося в Российской империи в 1783–1792 гг. и сыгравшего поистине историческую роль в процессе становления основ социокультурного взаимодействия России и Японии на этапе их взаимного узнавания. Первое упоминание о России (или, точнее, Московии), появившееся в Японии, Икута Митико, ссылаясь на Кондо Юдзо, относит к 1623 г., когда появился труд итальянского миссионера в Китае конца периода Мин Джулио Аллени. Таким образом, первые известия о России попали в Японию через Китай из сочинения западноевропейского миссионера. В России первые упоминания о Японии также были заимствованы из западноевропейских и китайских источников. И только когда мореплаватель Дэмбэй по воле случая оказался в России и был принят самим Петром Великим, в России началось формирование реального образа Японии и японцев.